

Рассказы о пережитом

1. Как я был негром

Возвращаясь поздно вечером с работы, я как-то случайно наткнулся на митинг, организованный ку-клукс-кланом. Недолго постояв, я ушел, чертыхаясь и отплеываясь. Что за дурацкий митинг! Что за маскарад!

Длинные белые балахоны, острокопеченные капюшоны с прорезями для глаз, ярко горящие факелы в руках. А чего стоило вступительное слово председателя митинга!

— От его величества, императорского чародея, ко всем духам — драконам, гидрам, великим лесным и домовым, великим титанам и фуриям, гигантам-циклопам и всем гражданам видимой и невидимой империи, рыцарям ку-клукс-клана! Наш устав; рыцарство, благородство, целомудрие женщин и гегемония белых! Гурей!

— Гурей! — хором отвечали «рыцари», одновременно размахивая факелами.

— Бред! — решил я. — Лучше не вспоминать! — И тряхнул головой, как бы выбрасывая из нее ненужные мысли.

...Мягкая летняя ночь. Я вышел на широкую, ярко освещенную улицу. По тротуару навстречу мне шел высокий молодой негр. Наклонив голову, он шагнул медленно. Лицо его выражало глубокую озабоченность. Можеет, потому он и не заметил выскочившего из пивной пьяного человека, который, споткнувшись, налетел на него. Человек этот был «белый». У него было бритое узкое лицо и злые, желтые, как у волка, глаза. Я узнал в нем одного из агитаторов ку-клукс-клана.

Столкнувшись с негром, агитатор поднял голову, свирепо посмотрел на него и, не говоря ни слова, плюнул негру в лицо. В ответ он получил удар в челюсть и так стукнулся головой о стекло витрины, что стекло треснуло. От второго удара он грохнулся лицом на тротуар, расквашив себе нос. Это был нокаут.

— Правильно! — кивнул я головой. — А теперь беги!..

Негр рванулся с места, и когда на шум и крик очнувшегося агитатора из пивной выбежали люди, он был уже за углом.

— В чем дело?! Что случилось?! Что такое?! — сыпались вопросы.

— Негр избил меня... Негр... — трагическим тоном жаловался агитатор.

— Негр?! —

В этом вопросе слышалось крайнее удивление и безмерное негодование, ярость, усиленная количеством выпитого виски.

— За что избил? Как он смел? За что?!

— Я налетел на него... Споткнулся... — тоном невинной жертвы бормотал агитатор, тяжело дымаясь на ноги.

— Пропал парень! — тревожно подумал я о негре. Но я знал, что мое вмешательство в пользу негра не приведет к добру.

— Где же он? Где?! Куда ушел?! — нетерпеливо спрашивали белые.

— Не знаю... Не заметил... Он нокаутировал меня. — Для большего эффекта, как бы утирая кровь, ку-клукс-клановский агитатор еще больше размазал ее по всему лицу.

Вид крови действовал на толпу, как красный цвет на быка. Зарывав, толпа ринулась наугад и как раз в том направлении, куда побегал негр.

— Стоп! Стоп! — закричал я.

Толпа сразу остановилась, круто повернулась. Крик этот вырвался из моей груди почти бессознательно.

— Туда! Туда! За угол! — кричал я, махая рукой, указывая в противоположную сторону.

Толпа, как по команде, стремглав помчалась в указанном направлении. Воспользовавшись моментом, я решил «уйти от греха», пересечь широкую улицу и скрыться, пока не поздно. Но было уже поздно. Агитатор, отставший от толпы, неожиданно оглянулся, и не успев я дойти до середины улицы, как вопль потряс воздух. Это кричал он.

— Назад! Назад! Стоп! Обман! Он обманул нас! Он! Он! — указывал он на меня, истерично топая ногами.

Но я и не думал бежать. Теперь это было безрассудно, только усилило бы подозрения. Да и встречные прохожие задержали бы. Оставалось только повернуться лицом к толпе и ждать...

Я чувствовал, как от лица моего отхлынула кровь и в груди перехватило дыхание. Но я приготовился защищаться. Я, мол, не виноват, что негр исчез. И не погнался за ним потому, что спешил домой. И какой интерес мне, белому, обманывать белых?..

Но то, что я услышал в ответ на эти мысли раньше, чем успел открыть рот, заставило меня вздрогнуть всем телом. Меня обуял ужас утопающего.

— Да ведь он же, — указывая на меня, зловеще кричал агитатор, — тоже негр! В нем тоже негритянская кровь! Он тоже негритянской породы!

— Да! Да! Правильно! Негр! Негр! — подхватили голоса.

Я понял: мое смуглое от загара лицо и попытка спасти негра от преследования навлекли на меня подозрение. Я почувствовал себя негром, негром в момент его линчевания. Об этом кричал, надрываясь, агитатор. Рыча и вой, будто волчья стая, несла на меня бешеная толпа. Все ближе и ближе... Я пытался что-то сказать, закричать, но голос мой потонул в реве и шуме...

— Линч! Линч! Линч! — Какое жуткое зночище! Только теперь я понял его значение по-настоящему. Они меня повесят потом сожгут...

Я инстинктивно отступал, инстинктивно шупал в кармане перочинный нож. Это на время сдер-

Автор помещенных ниже рассказов, писатель и драматург Владимир Наумович Билль-Белоцерковский член КПСС с сентября 1917 года, участник октябрьских боев.

До революции Билль-Белоцерковский плавал матросом на торговых судах, ряд лет работал в Америке кочегаром, землекопом. В 1919 году он выпустил первый сборник рассказов, посвященный жизни зарубежных матросов и рабочих. Перу В. Н. Билль-Белоцерковского принадлежат несколько известных пьес, среди которых «Шторм», «Штиль», «Запад нервничает», «Цвет кожи» и другие.

жалю толпу. Ей казалось, что у меня в кармане бритва, оружие, которым, — были случаи, — в критические моменты защищаются негры. Но все это не спасет. Еще миг, другой, и... Уже цепкие руки больно, словно ногтями, рвут мое тело.

Я вырываюсь, увертываюсь, отскакиваю. Ноги мои спотыкаются о рельсы трамвая. Мое прерывистое дыхание, хрип и панический ужас вызывают злорадный вой. От ударов в грудь, в голову, ногой в живот потемнело в глазах. Смерть! Смерть! Я ощущаю ее отвратительное дыхание в перегаре виски и свистопляске кругом...

Но что такое?.. Что за частый, резкий звон, металлический скрежет и грохот? Почему шарахнулась толпа?.. Это на нее мчится трамвай. Только один я остался у самых рельсов. Вихрем, мелькая светящимися окнами, мчится трамвай. Но с такой же быстротой мгнулся к нему я. Только предсмертный ужас и отчаяние могли принудить к такому прыжку, заставить вскочить на подножку трамвая, мчавшегося почти со скоростью поезда. Мимо бешено неслись, ослепляя фарами и гудя, легковые машины. Я висел, судорожно вцепившись за поручни трамвайного вагона.

И когда, наконец, трамвай замедлил ход, я соскочил с подножки... Асфальтированная улица была ровной и гладкой, как полированный стол, но ноги мои ступали, как по болотным коцкам...

— Этот парень явно пьян, — услышал я позади себя насмешливый голос.

2. Бой

из Порт-Саида

Он был родом из Порт-Саида. Там его случайно взяли юнгой на американский пароход взамен юнги, смытого волной в океан во время шторма.

Командиры, как и команда, на этом судне были из южных штатов, и потому понятна была их неприязнь к пятнадцатилетнему бою-юнге... Ведь он был темнокожий; не негр, но все-таки... Однако с этим пришлось мириться; хоть юнга — и небольшой чин на корабле, но без него не обойтись. Его морская профессия отличалась от профессии взрослых лишь тем, что работал он больше их, а жалованья получал меньше. Бой не нес вахты, но зато весь свой день с 6 часов утра и до 6 вечера был на ногах. И даже в положенные часы отдыха его «дергали» по малейшему поводу и мелочам. И командиры, и боцман, и команда.

Даже во время завтрака, обеда или ужина он должен был глотать пищу на бегу, бегать к коку, к стюарду, к помпе, споласкивать посуду, убирать со стола, подметать кубрик. А вне этого — выполнять часто непосильную для его возраста работу, во всем помогать старшим — тащить всевозможные тяжести, тянуть концы, тяжелые двенадцатидюймовые канаты, стальные тросы, отбивать ржавчину на палубе, красить, драить, лазить на мачты, скрестить палубу, мыть стены кают разрезающим руки раствором каустика и на ветру, и в зимнюю стужу, отчетливо замерзшие руки трескались до крови... Весь день быть на побегушках!..

Бой разрывался на части.

И не обходилось без проклятий, затрепчин, пинков... Такова была участь юнги. Но еще тяжелее приходилось юнге, если он не принадлежал к «белой породе». Ко всем физическим испытаниям прибавлялись еще и моральные. Любый из старших мог не только безнаказанно проявить на нем свой дурной характер, но и, развлекаясь ради, сделать его предметом насмешек.

Потешались над боем, как только представлялись возможность и случай. Но особенно тяжело приходилось бою от тяжелых шуток Сэма, который, как он сам с гордостью говорил, принадлежал к породе ку-клукс-клана. Ночью, во время смены вахты он связывал крепко спящему бою ноги, а потом орал: «Все на палубу!», что означало: «Все наверх!», тревогу. Бой обабдело вскакивал и тут же падал с койки под оглушительный хохот...

Или опять-таки спящего обливая водой и также кричал: «Тонем! Спасайся!». И снова смех. Или прятал его брюки, и юнга вынужден был надевать чужие, «под самые подмышки»... Но что больше всего пугало мальчика, — так это глаза Сэма: они сверкали, но не улыбались...

И все же юнга все это терпеливо и безропотно переносил. Причина была простая: в Порт-Саиде ему, как и другим ребятам, вечно приходилось попрошайничать, кланяться у иностранных моряков монету или галету, вечно испытывая муки голода. И вот ему почастилилось попать на судно, где он получал питание и даже жалованье. Более того, из страха перед Сэмом и из желания смягчить его сердцем бой по мере своих сил шел навстречу его шуткам,

Не легко давалась бою такая жизнь, такое непрерывное нервное напряжение; временами лицо его выражало глухую шемящую тоску и безнадёжную усталость.

...В один из воскресных дней, прижав грудью к борту парохода, он так уныло глядел в синюю даль океана, что обратил на себя внимание проходившего мимо кочегара.

— Скучно? — участливо спросил кочегар.

— Да, — коротко ответил мальчик, и в глазах его блеснули слезы.

— Почему?

— Домой хочу, в Порт-Саид, — на ломаном английском языке сказал бой.

— Значит, тебе здесь так плохо?

— Да!

— Из-за Сэма?

— Да.

— Я с ним поговорю!

И, встретившись с Сэмом на палубе, кочегар остановил его.

— Сэм! Зачем ты измываешься над юнгой? Зачем?

— А тебе что за дело?! — рявкнул Сэм и, грубо отстранив кочегара, удалился. Кочегар растерянно глядел ему вслед.

Шутки продолжались.

Чего только не придумывал Сэм. Но самой забавной и веселой шуткой случайно оказалась щекотка. Это было исключительное открытие: держа боя одной рукой за шиворот, а другой щеку тать его. Бой так смешно брыкался, приседал, визжал и истерически захлебывался от смеха, что невольно вызывал смех у других. И в этом шуме тоны просьбы его не щекотать. И опять-таки не смеялся только Сэм...

Так продолжалась эта забава до того момента, когда бой вдруг перестал реагировать на щекотку, — она уже не действовала на него, словно это был труп... Он похудел, осунулся, больше чем тогда, когда попрошайничал. Он помрачнел, стал дергаться, что-то бормотать на своем родном языке и, как попавший в капкан зверек, бесильно скалил белые мелкие зубы. А однажды даже впился зубами в ладонь Сэма, когда тот попытался снова щекотать его. Сэм взвыл и ударом кулака сошиб юнгу с ног. Стукнувшись головой о железный пол, мальчик потерял сознание, и присутствовавшим в кубрике пришлось повозиться с ним, приводя его в чувство. На возглас: «Дурень! Ты так мог убить его!» — последовал ответ: «У нас, на родине, его бы за это...» — и характерным жестом показал, как вешают негров...

Шутки прекратились. Сэм теперь просто, без шуток, по малейшему поводу трепал юнгу. Бой стал плохо соображать на работе, не реагировал на окрики и пинки. Даже грубый боцман обратил на это внимание.

— Прекрати! Годдем! — заорал он на Сэма. — Бой, чего доброго, околет из-за тебя. Кто его замечает в океане? Ты!..

Сэм прекратил, но по-своему: в кубрике, в присутствии юнги он умышленно показывал фотоснимки, где заснят был суд Линча над негром. Люди одеты в белые балахоны с острокопеченными капюшонами и прорезями для глаз, и среди балахонов — Сэм. Он пугал, он поносил юнгу последними словами, как поносят негров ку-клукс-клановцы. Он так измывался над ним, что надоел даже товарищам. Но он не обращал внимания на их замечания. Оставалось единственное средство — избить его... Но драться с таким здоровяком из-за арапчонка — стоит ли?..

Однако сам бой и в этом случае вел себя странно; он не реагировал ни на ругань, ни на что... Он только сделался задумчив. Особенно это стало заметно, когда судно возвращалось в Порт-Саид. Все чаще при виде Сэма в его черных глазах вспыхивали огоньки. Сэм это заметил. «Как он смеет, поганый арапчонек!..». И однажды, не выдержав, во время шторма, когда на корме, кроме них двоих, никого не оказалось, а штурман находился в рубке, на мостике, он ринулся к бою, зажал ему рот и поволок к борту. Бой инстинктивно уцепился руками и ногами за снасть с такой силой, что Сэм был вынужден пустить в ход руку, зажимавшую рот. И в тот же миг сквозь рев и вой шторма до ушей штурмана донесся дикий, пронзительный вопль. Штурман выскочил из рубки и, повернувшись к корме, поднес к губам свисток.

— В чем дело? Что за крики?

— Ничего особенного, — ухмыляясь, ответил Сэм. — Пошутил...

— На работе не шутят! Дурана не валяй!.. И вообще... — штурман строго пригрозил пальцем.

...За день до прибытия в гавань тот же кочегар, торопясь на вахту, крикнул юнге:

— Завтра Порт-Саид! На судне не оставайся. Требуешь расчета за рейс! Гуд-бай!..

...Но вот и Порт-Саид. Судно пришвартовано. Вечером команда ушла на берег. Ночью возвратилась изрядно пьяная и сразу же завалилась спать. Спал и юнга. Но вот он осторожно приподнял голову, оглядел спящих и тихо стал сползать с койки.

А под утро в тиши порта далеко разнесся панически-прерывистый рев гудка с этого парохода. Это был сигнал бедствия. Со всех сторон с кораблей и с берега стремглав бежали на зов люди, бежала стража. Их взору предстала необычайная картина. На палубе, у раскрытой настежь двери кубрика топились народ, многие были в нижнем белье.

Одни стояли, остолбенев, с дико вытаращенными глазами и раскрытыми ртами, другие в ужасе пятились назад...

На койке, в сонной позе лежал труп... Лица его, сплошь залитого кровью, нельзя было различить... Это был Сэм. Его пьяного и сонного зарубил бой. Искрылся, не дождавшись расчета...

В. БИЛЬ-БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ